

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно по Воскресеньямъ. Годовая иѣна съ пересылкою и доставкою 5 р., а за четыре мѣсяца текущаго года 1 р. 67 к.

№ 7.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Астраханской Духовной Семинаріи, въ квартирѣ ректора, въ г. Астрахани.

19 ОКТЯБРЯ 1875 ГОДА.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА.

Отъ 25 мая 1875 г. за № 24. — По Высочайшему повелѣнію. — *Объ измѣненіи §§ 13 и 14 Положенія объ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 5-го минувшаго апрѣля, № 1112, въ которомъ изложено: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, Господина Оберъ-Прокурора, опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ ⁵/19 февраля сего года, въ 3-й день апрѣля сего-же года, Высочайше повелѣтъ соизволить: 1) Сомнѣнія и вопросы, которые могутъ возникнуть при дальнѣйшемъ примѣненіи уставовъ духовно-учебныхъ заведеній, предоставить на будущее время разяснять Синодальному Оберъ-Прокурору, по заключеніямъ Учебнаго Комитета, во всѣхъ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда возникшій вопросъ точно и опредѣлительно разрѣшается уставами или постановленіями Святѣйшаго Синода, вошедшими въ отпечатанный нынѣ и разосланный для руководства по духовно-учебному вѣдомству Сборникъ за 1867—1874 гг.; на обсужденіе-же и утвержденіе Синода вносить журналы Учебнаго Комитета лишь по тѣмъ вопросамъ, для разрѣшенія коихъ требуется поясненіе, дополненіе или измѣненіе содержащихся въ семъ Сборникѣ постановленій. 2) Такимъ порядкомъ, т. е. непосредственными распоряженіями Синодальнаго Оберъ-Прокурора, по утвержденнымъ имъ журналамъ Учебнаго Комитета, приводить въ исполненіе заключеніе Комитета по отчетамъ членовъ онаго о ревизіяхъ духовно-учебныхъ заведеній, и по всѣмъ замѣченными ревизорами уклоненіямъ отъ уставовъ и Синодальныхъ постановленій, точно и опредѣлительно разъясненнымъ въ Сборникѣ, дѣлать распоряженія безъ особыхъ каждый разъ разрѣшеній Святѣйшаго Синода, которому за симъ должны быть предлагаемы изъ сказанныхъ отчетовъ только общія свѣдѣнія о состояніи обрѣзванныхъ семинарій и училищъ, а также все обстоятельства и вопросы, которые по своей важности требуютъ разсмотрѣнія и распоряженія Святѣйшаго Синода. И, по справкѣ. Приказали: О вышеизложенномъ Высочайшемъ повелѣніи, для руководства по духовно-учебному вѣдомству, дать знать Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ циркулярнымъ указомъ, при чемъ въ указѣ присовокупить, что такъ-какъ отъ производства ревизіи до отпечатанія отчета объ оной можетъ пройти не малое время, въ теченіи котораго было-бы вредно оставлять безъ измѣненій усмотрѣнныя ревизорами уклоненія отъ точныхъ и ясныхъ требованій Уставовъ или постановленій, въ Сборникъ вошедшихъ, то Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ поручить членамъ—ревизорамъ Учебнаго Комитета, въ случаѣ усмотрѣнія ими таковыхъ уклоненій или недостатковъ, будутъ-ли эти недостатки касаться преподаванія учебныхъ предметовъ, веденія воспитательнаго надзора, или-же состоянія административно-хозяйственной части, дѣлать на мѣстѣ-же письменно, въ устраненіе неправильностей, на основаніи духовно-училищныхъ уставовъ и вышеназваннаго Сборника, разъясненія семинарскимъ и училищнымъ Правленіямъ, по принадлежности, по тѣмъ обстоятельствамъ и вопросамъ, кои, по своему малозначительному несущественному характеру, не требуютъ разсмотрѣнія центральнаго управленія духовнаго вѣдомства, съ тѣмъ, однако, чтобы о всѣхъ таковыхъ распоряженіяхъ ревизоры въ своихъ отчетахъ доводили до свѣдѣнія Высшаго Начальства.

Отъ 7-го іюня 1875 г. за № 29. — *О прекращеніи пособія воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній, назначаемымъ на учительскія мѣста, по случаю назначенія имъ не въ зачетъ третнаго жалованья.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе Господина Товарища Синодальнаго Оберъ-Прокурора, № 7233, съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія слѣдующаго содержанія: имѣя въ виду, что съ предоставленіемъ, на основаніи Высочайше утвержденного въ 21-й день мая 1874 г. мѣрнія Государственнаго Совѣта, опредѣляемымъ на учительскія мѣста въ духовныя семинаріи и училища воспитанникамъ духовныхъ Академій, Семинарій и другимъ лицамъ права на полученіе изъ казны третнаго, не въ зачетъ, жалованья, первоначальное обзаведеніе ихъ можетъ считаться вполне обеспеченнымъ, Хозяйственное Управленіе подавало-бы: дѣйствіе журнала бывшей Коммисіи духовныхъ училищъ 26 апрѣля 1813 г. и постановленій Святѣйшаго Синода отъ ^{16 іюня}_{14 іюля} 1843 г. и ^{24 іюля}_{9 августа} 1846 г. о выдачѣ пособія изъ духовно-учебнаго капитала на первоначальное обзаведеніе казеннокоштнымъ воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній отъ 20 р. до 50 руб. нѣтъ-же отмѣнить, предоставивъ право на такое пособіе изъ духовно-учебнаго капитала въ размѣрѣ 50 р. только тѣмъ изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ духовныхъ Академій и Семинарій, которые поступаютъ на учебную службу въ духовныя Академіи или на должности помощника инспектора въ Семинаріяхъ, такъ-какъ новое положеніе до сихъ должностей не отнесется. П р и к а з а л и: Изложенное заключеніе Хозяйственнаго Управленія утвердить и для объявленія о семъ по духовно-учебному вѣдомству, къ должному въ потребныхъ случаяхъ руководству и исполненію, дать знать епархіальнымъ Архіереямъ печатнымъ указомъ.

Отъ 12-го іюня 1875 г. за № 30. — *Относительно выдачи свидѣтельствъ воспитанникамъ, выходящимъ изъ семинарій до окончанія полнаго курса.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложенный Господиномъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 90, по возбужденному Директоромъ Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи вопросу объ установленіи для выходящихъ изъ духовныхъ семинарій воспитанниковъ такихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ было

бы ясно видно, что получившій подобное свидѣтельство воспитанникъ окончилъ курсъ общаго образованія въ семинаріи и при-томъ съ надлежащимъ успѣхомъ. П р и к а з а л и: Въ устраненіе затрудненій, возникающихъ въ Петровской Земледѣльческой и Дѣсной Академіи при приѣмѣ въ оную вышедшихъ изъ духовныхъ семинарій воспитанниковъ, предписать циркулярнымъ указомъ епархіальнымъ Преосвященнымъ, чтобы Правленія всѣхъ духовныхъ семинарій—въ свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ семинарскимъ воспитанникамъ при выходѣ изъ семинарій до окончанія полного курса, сверхъ установленныхъ подлежащими постановленіями Святѣйшаго Синода отмѣтокъ, неопустительно означали, въ какомъ классѣ предъ выходомъ изъ семинаріи означенные воспитанники обучались, окончили-ли они въ немъ курсъ и удостоены-ли перевода въ слѣдующій классъ.

Отъ 4-го апрѣля 1875 года, № 16.—*О книгахъ, одобренныхъ для духовно-учебныхъ заведеній.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенные Господиномъ Оберъ-Прокуроромъ журналы Учебнаго Комитета, *первый*, № 268, о возможности одобрить составленную священникомъ С.-Петербургской Успенской, что на Сѣнной, церкви К. Никольскимъ книгу подъ заглавіемъ: „Пособіе къ изученію Устава Богослуженія Православной Церкви“ (изд. 3, исправленное и дополненное, С.-Петербургъ, 1874 г.), въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи Литургики въ семинаріяхъ и церковнаго устава въ духовныхъ училищахъ, и *второй*, № 273, о допущеніи составленнаго учителемъ Кавказской семинаріи Аванасьевымъ „Учебнаго руководства по предмету Св. Писанія для учениковъ II-го класса духовныхъ семинарій: „Историческія книги Св. Писанія Ветхаго Заѣта (Выпуски 1 и 2. Кіевъ 1874.)“ къ употребленію въ семинаріяхъ въ качествѣ учебника для воспитанниковъ II-го класса, а также въ качествѣ пособия для преподавателей священной исторіи Ветхаго Заѣта въ духовныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы авторъ, при слѣдующемъ изданіи своего сочиненія, тщательно пересмотрѣлъ и исправилъ оное, согласно сдѣланнымъ указаніямъ. П р и к а з а л и: Заключенія Учебнаго Комитета утвердить и для объявленія о семъ правленіямъ семинарій и духовныхъ училищъ послать при печатномъ указѣ епархіальнымъ Преосвященнымъ Архіереямъ копии съ журналовъ Комитета.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Его Преосвященство, нашъ Архипастырь, возвратился изъ С.-Петербурга въ Астрахань 11-го сего октября.

Освящена вновь устроенная деревянная церковь во-имя Архистратига Михаила въ с. Плодовитомъ, Черноярскаго уѣзда (11-го сентября).

Исключенъ изъ списковъ умершій 6-го октября, настоятель Астраханскаго Иоанно-Предченскаго монастыря Игуменъ Евгеній.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫИ.

С Л О В О

Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Хрисанова, Епископа Астраханскаго и Енотаевскаго, въ день сошествія Св. Духа, сказанное въ Астраханской Кладбищенской церкви іюня 2-го дня 1875 года.

Вчера, братіе, молясь о ниспосланіи на насъ Св. Духа, мы молились и за умершихъ братій нашихъ, а нынѣ пришли и на самое поле мертвыхъ — праздновать тому-же Духу благодати.

Глубокая мысль лежитъ въ основаніи того, почему въ день Пятидесятницы Церковь молится и за умершихъ. Она-же, эта-же глубоко-содержательная мысль выражается и въ томъ, что этотъ храмъ среди поля, на которомъ расположены гробницы умершихъ, посвященъ имени Св. Духа.

День сошествія Св. Духа на Апостоловъ есть тотъ великій день, со времени котораго волюнѣ открылось на землѣ благодатное Христово царство и начала свое историческое существованіе Христовая церковь. Теперь завершено было дѣло человѣческаго спасенія, теперь даны были человѣку благодатныя силы для новой жизни на землѣ.

А церковь Христова — есть благодатный союзъ, обнимающій собою всѣхъ и все. Духъ благодати, ее одушевляющій, есть Утѣшитель, „все исполняющій“ собою и все объединяющій. Благодатное Христово царство, основанное на землѣ, распространено до самаго неба, или — соединено съ небомъ. Небо и земля, міръ видимый и невидимый, ангелы и люди, — всѣ связаны взаимно, хотя невидимо и благодатно. Вселенная стала единымъ царствомъ Божиимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ открылось царство Благодати, объединены — частіе — и всѣ люди, и не только живые, но и умершіе. Духъ Утѣшитель, связующій небо съ землею, соединяетъ и насъ живыхъ съ умершими братьями нашими. Со дня воскресенія Спасителя стало ясно, что есть для насъ другая, не земная жизнь, что гробъ — не вѣчное жилище наше, что мы созданы не затѣмъ, чтобы обратиться въ прахъ, что наше тѣльное тѣло преобразится нѣкогда и сдѣлается подобнымъ прославленному тѣлу воскресшаго Господа. Да! Съ тѣхъ-поръ, какъ воскресъ Христосъ, — та картина мертваго поля у пророка Іезекииля, въ которой онъ изображалъ духовное обновленіе своего Еврейскаго народа, перестала быть только образомъ и картиной, перешла въ дѣйствительность, въ живую вѣру въ воскресеніе. Плоть наша, дѣйствительно, оживетъ и духъ жизни снова вселится въ нее. А со-времени явленія Св. Духа и открытія Церкви, — къ этому присоедилось еще вѣрованіе, — или иначе — вѣрованіе это еще пополнилось. Умершіе не только не исчезли, не только живы для Бога, не только нѣкогда воскреснутъ, но и не разорвали своего союза съ нами, пребываютъ съ нами въ невидимомъ, таинственномъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительномъ, живомъ общеніи. Мы съ ними составляемъ одно царство — подъ невидимымъ водительствою Единаго Главы и Его Духа.

Таково, братіе, ученіе Церкви православной. Она признаетъ вѣру въ возможность общенія христіанской любви между нами и умершими. Мы можемъ, по этому древнему вѣрованію, утраченному уже нѣкоторыми христіанскими обществами, и въ отношеніи къ умершимъ выражать свою христіанскую любовь, подобно тому, какъ это дѣлаемъ для живыхъ своихъ собратій. И умершимъ мы можемъ благотворить, конечно, особымъ образомъ, соотвѣтственно ихъ нынѣшнему положенію. Имъ не нужны теперь наши вещественныя благодѣянія, какъ и ничто земное и матеріальное, но возможна съ нашей стороны помощь невещественная, духовная. Это — молитва за нихъ предъ Духомъ Утѣшителемъ, Который самъ „молится“ о нихъ и о насъ „воздыханіи неизглаголаннѣми“, и Который объединяетъ насъ съ ними. Имъ не нужны теперь наши земныя блага, но они нужны другимъ еще живымъ собратіямъ нашимъ. И мы можемъ оказывать этимъ послѣднимъ благодѣянія, во-имя близкихъ къ намъ умершихъ; а Отецъ небесный, пріемлющій этотъ даръ нашей любви, не оставитъ его недѣйственнымъ.

Какая, братіе, въ самомъ дѣлѣ, великая мысль и какъ согласна она съ высокимъ, все христіанское ученіе проникающимъ, закономъ любви! Какъ на

земля — Духъ благодати стремится объединить всѣхъ и все, такъ и на небѣ. Нѣтъ разрыва между небомъ и землею, между живыми и умершими. Нигдѣ нѣтъ смерти — все живо и все взаимно связано! Для православнаго христіанина нѣтъ не только мертвыхъ — въ смыслѣ уничтоженія, прекращенія бытія, — но нѣтъ даже умершихъ и въ смыслѣ совершенной разлуки съ ними... Любовь, — та любовь, что составляетъ сущность христіанскаго совершенства, та любовь, что есть лучшій изъ даровъ Св. Духа, та любовь, что „никогда-же отпадаетъ“, не перестаетъ связывать живыхъ съ умершими, — и самая смерть не въ силахъ положить ей предѣла, прервать этого союза. Да! По-истинѣ такая и только такая любовь *не престаеетъ и никогда-же отпадаетъ*, какъ говорить Апостоль.

А какъ отраднo это вѣрованіе для сердца, какъ оно естественно! Не правда-ли, что наши души всегда и невольно стремятся къ соединенію съ близкими намъ умершими, къ охраненію союза съ ними, къ участію въ ихъ положеніи?.. Не это-ли чувство любви къ ближнимъ почившимъ невольно сказывается въ той такъ естественной для всѣхъ заботливости о гробницахъ почившихъ и о томъ полѣ, на которомъ они почіютъ въ мирѣ? Не это-ли чувство движетъ нами, когда мы свѣвшимъ украсить мѣсто погребенія, оградить его памятникомъ, усыпать могилу цвѣтами, — не оно-ли дѣлаетъ для насъ священнымъ прахъ умершихъ и мѣсто ихъ вѣчнаго покоя? И чѣмъ мягче чело-вѣкъ душою, тѣмъ это чувство сильнѣе. Не значигъ-ли это, что оно врождено и составляетъ потребность сердца? Не отраднo-ли же, послѣ этого, слышать изъ устъ Христовой церкви, что наша любовь къ ближнимъ можетъ простирается и на переселившихся изъ этого міра и что предѣлъ настоящей жизни не есть предѣлъ нашей любви къ нимъ, что смерть не разлучила ихъ съ нами?

Да, братіе, мы не видимъ, но, быть можетъ, сонмы душъ отъ земли перешедшихъ въ иной міръ — въ этотъ часъ, въ эти минуты, когда мы пришли почтить ихъ память и помолиться о ихъ упокоеніи, взираютъ на насъ съ высоты неба и ожидаютъ молитвеннаго ходатайства о нихъ предъ престоломъ Божиимъ о милосердіи. Мы можемъ допустить, что ихъ духъ витаетъ среди насъ. Въ этомъ нѣтъ ничего несообразнаго съ христіанскимъ вѣрованіемъ въ загробную жизнь, какъ и въ томъ, что въ той, иной жизни — возможна для насъ встрѣча съ близкими нашему сердцу и родными. Правда, тамъ измѣнятся формы жизни, плоть и кровь потеряютъ свое значеніе, свойство и кругъ при-

вязанностей расширятся и возвысятся, но сущность ихъ останется, какъ останется и само сердце, — любовь не престанетъ, не отпадетъ.

Этого мало. Мы можемъ думать и быть увѣренными, что и наши усопшіе братья въ отношеніи къ намъ также не безучастны. Это требуется самымъ понятіемъ о нашемъ союзѣ съ ними, который неизбѣжно предполагаетъ взаимность. Если мы можемъ питать къ нимъ добрыя чувства, то и они — къ намъ. Объ умершихъ Святыхъ мы несомнѣнно знаемъ изъ слова Божія, что они ходатайствуютъ о насъ. Въ чемъ можетъ выражаться участіе къ намъ прочихъ почившихъ, этого не знаемъ и не имѣемъ права говорить объ этомъ съ рѣшительностію. Но можемъ гадать съ вѣроятностію, что духъ близкихъ намъ почившихъ, витая около насъ, скорбитъ о насъ, если мы падаемъ, радуется, когда мы творимъ добро... И чѣмъ ближе былъ при жизни человѣкъ, тѣмъ это участіе сильнѣе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и несообразнаго съ христіанской истиной и въ томъ, что сердце почившей матери или умершаго отца — скорбитъ, когда падаетъ сынъ, и радуется, когда онъ идетъ путемъ добра. И кто знаетъ, быть можетъ иногда добрая мысль, внезапно озаряющая прежде заблудшаго сына, твердое доброе намѣреніе, вдругъ явившееся въ немъ, обязаны бывають своимъ происхожденіемъ наитію духа отца или матери...

Да! То несомнѣнно, что мы въ союзѣ съ умершими. То также несомнѣнно, что душою они живы, что ихъ мысль и чувства не умерли. А если такъ, то необходимо допустить, что въ извѣстной мѣрѣ и они, дѣйствительно, безучастны въ отношеніи къ намъ. Есть все основаніе такъ думать, хотя связь эта — таинственна и непонятна и хотя мы не имѣемъ права говорить объ этомъ положительно. Мы можемъ предполагать благожеланія къ намъ и съ ихъ стороны. И такъ — какъ взоръ умершихъ шире, чѣмъ нашъ, потому-что они отрѣшены уже отъ земли и земнаго, истина и законъ добра для нихъ яснѣе, чѣмъ для насъ, по тому-же самому, — нѣтъ и не можетъ быть въ нихъ уже ни нашего самолюбія, ни нашей зависти, то мы должны быть увѣрены, что они желаютъ и могутъ желать намъ всякаго добра и добра — самаго совершеннаго...

Мы нынѣ, братіе, на полѣ, въ которомъ покоится прахъ веѣхъ умершихъ нашего града, отъ самаго начала его, — не одинъ вѣкъ, не одно столѣтіе наполнялось это широкое поле, нынѣ потребовавшее новаго расширения и новой съ вашей стороны заботливости. Здѣсь собрался цѣлый старый городъ, веѣ поколѣнія древнихъ обитателей Астрахани. Нѣтъ сомнѣнія, что веѣ они, за

нашу молитву о нихъ, исполнены къ намъ благожеланій... Ихъ много, гораздо больше, чѣмъ насъ — живыхъ. Сильны, поэтому, должны быть и ихъ благожеланія къ намъ...

Хотите-ли, чтобъ я за нихъ или отъ лица ихъ сказала вамъ, чего они желаютъ намъ? Я увѣренъ, что если-бы можно было слышать ихъ голосъ чувственнымъ ухомъ, вы вотъ что услышали-бы отъ этихъ древнихъ обитателей нашего города: „Братья! подражайте нашей добродѣтели и избѣгайте нашихъ недостатковъ. Мы отличались особеннымъ усердіемъ къ Церкви и соблюденіемъ вѣхъ ея уставовъ. Сохраните на-всегда тоже чувство вѣры. Но присоедините къ нему разумніе вѣры, заботу о христіанскомъ просвѣщеніи и распространеніи его въ народѣ. Усугубьте и ревность о распространеніи Христовой вѣры среди невѣрующихъ обитателей нашего края. Пора уже. Мы этого не могли сдѣлать и завѣщали это вамъ и вашему времени. Наша жизнь была проста и груба, но за то отличалась большою искренностію, чѣмъ ваша нынѣшняя, болѣе сложная и утонченная... Нужно, чтобы вмѣстѣ съ разширеніемъ образованія — исчезали и пороки. Нужно, чтобы не на словахъ только превозносились та любовь и уваженіе къ человѣку, о которыхъ такъ много и такъ часто говорятъ въ ваше время...“

Не забудемъ этого загробнаго голоса нашихъ собратій, а теперь, по волю нашего союза съ ними, помолимся о ихъ упокоеніи. Аминь.

Нѣсколько дней пребыванія моего въ Тюменевкѣ.

(Продолженіе) (*).

9-го іюля. Въ 5^{1/2} часовъ утра мы съ г. С — вымъ пошли въ ту кибитку, въ которой наканунѣ вечеромъ было торжество и увидѣли въ ней ту же самую картину, какую представляли калмыки вчерашній вечеръ. Такъ-какъ танцы, пѣніе пѣсенъ и крики *харысь* болѣе уже не интересовали насъ, то мы отправились къ другой недалеко стоявшей кибиткѣ, изъ которой выносили приданое невѣсты, состоявшее болѣею частию изъ сундуковъ, неизвѣстно чѣмъ наполненныхъ, ковровъ, кошмъ и кибиточной кухонной посуды: котловъ, ковшей, ведеръ и пр. Весь этотъ калмыцкій скарбъ-*хурды-мурды* (**), навьючивали на двухъ верблюдовъ, подаренныхъ молодымъ княгиней. Во-все время, пока старая калмычки возились съ приданымъ, невѣста плакала горькими сле-

(*) См. № 6-й Епарх. Вѣдом. Астраханской епархіи, 1880 г., стр. 100.

(**) Сл. несклон. астрах. — домашній скарбишеа, всячина, позитив. См. Голд. Слов. Даля.

зами съ причитаньемъ. Когда приданое окончательно было навьючено на верблюдовъ, гости, пировавшіе въ вышеупомянутой кибиткѣ, вышли изъ нея и столпились около той кибитки, изъ которой выносили приданое. Наконецъ, изъ этой кибитки вывели невѣсту съ покрываломъ на лицѣ и посадили верхомъ на кобылу, убранную великолѣпными сѣдломъ и уздой. Верблюды, назначенные для перевозки приданого, также были украшены разноцвѣтными недоузками. Позади невѣсты на ту же кобылу сѣлъ здоровый толстый калмыкъ и крѣпко обхватилъ ее руками за туловище: невѣста показывала видъ, что она хочетъ спрыгнуть съ сѣдла. Молодые парни сѣли верхомъ на лошадей. Наконецъ вся эта кавалькада отправилась церемональнымъ шагомъ въ кибитку, назначенную для житія новобрачнымъ. Но сначала молодые, гости и свита, сопровождавшая ихъ, должны были объѣхать кругомъ канище — *сюмэ*. Подлѣ самаго канища два молодыхъ парня развернули длинный и широкій шелковый пологъ на двухъ деревянныхъ шестахъ; каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ по шесту, къ которымъ прикрѣплены были края полога. Они вѣхали верхомъ впереди невѣсты. Пологъ, который держали предъ лицомъ невѣсты и чрезъ который она не могла видѣть впереди дорогу, служить, по объясненію нѣкоторыхъ калмыковъ, символомъ неизвѣстности ея судьбы въ замужествѣ. Вся эта церемонія продолжалось около часу. Гэлюна и гэюла, приглашенныхъ на бракосочетаніе, въ это время угощали калмыцкимъ чаемъ и водкой въ кибиткѣ, стоявшей недалеко отъ кибитки молодыхъ. При приближеніи поѣзда къ кибиткѣ молодыхъ старуха калмычка разостлала противъ дверей кибитки кошму, а старикъ калмыкъ внесъ въ совершенно пустую еще кибитку таганъ и подложилъ подъ него горячихъ углей въ знаменіе того, что съ этихъ поръ эта кибитка составитъ новый семейный очагъ. Между тѣмъ гэлюнъ приказалъ одному молодому калмыку приготовить заряженное ружье, чтобы выстрѣлить изъ него въ злаго духа, когда молодые приблизятся къ своей кибиткѣ. Когда гости, составлявшие свиту молодыхъ, объѣхали кругомъ ихъ кибитку и стали приближаться къ дверямъ, — молодой калмыкъ щелкнулъ куркомъ ружья, но выстрѣла не послѣдовало; парни стали слѣзать съ лошадей. *Васа-б са* (еще, еще) живо закричалъ гэлюнъ. Это значило, что поѣздъ еще разъ долженъ былъ объѣхать кругомъ кибитки. На этотъ разъ выстрѣлъ былъ удаченъ и злой духъ, по убѣжденію калмыковъ, былъ прогнанъ отъ кибитки молодыхъ. Когда поѣздъ остановился, гэлюнъ подошелъ къ молодой съ деревянной небольшой чашечкой — *аяга*, наполненной коровиимъ масломъ и молокомъ.

дать ей отхлебнуть изъ нея немного, потомъ помазаль этой смѣсью копыта, лобъ, щеки и уши той кобылы, на которой сидѣла верхомъ молодая. Одинъ калмыкъ объяснилъ мнѣ, что въ этомъ обрядѣ выражается та мысль, чтобы молодые всегда имѣли въ достаточномъ количествѣ молоко и масло. При развѣчиваніи одного верблюда я замѣтилъ въ кожаномъ мѣшкѣ зарѣзаннаго барана, котораго также возили вмѣстѣ съ приданнымъ кругомъ капища. Этимъ обрядомъ, по объясненію того-же калмыка, выражается желаніе, чтобы у молодыхъ никогда не было недостатка въ баранахъ... Молодую, снявши съ лошади, посадили на кошму, которая была разостлана предъ дверями кибитки. Галюнъ минутъ пять вполголоса читалъ надъ нею молитву, потомъ три раза стукнулъ ее по головѣ дощечкой, на которой былъ изображенъ какой-то бурханъ со множествомъ рукъ. Этимъ пока и закончился обрядъ... Молодая продолжала сидѣть на кошмѣ, рядомъ съ нею стали садиться и мужчины и женщины. Два молодыхъ калмыка держали предъ молодой шелковый пологъ. Минутъ десять спустя, калмычка принесла весьма грязное ведро, наполненное калмыцкимъ чаемъ и деревянную тарелку съ мушкоморками (весьма невкусными витунками, испеченными изъ плохой пшеничной муки.) Этимъ чаемъ угощали сидящихъ съ молодою. Между-тѣмъ молодые парни припасали лошадей для скачки. Когда все было готово, они отправились версты за двѣ отъ кибитки и оттуда начали перегонять другъ друга. Первая лошадь, выигравшая призъ, принадлежала одному молодому зайсангу, который съ сверкающими глазами слѣдилъ за калмыкомъ, скакавшимъ на его лошади и обрадовался, какъ ребенокъ, когда его лошадь выиграла призъ, состоявшій изъ коленкороваго платка, въ которомъ завязаны были двѣ-три серебряныя монеты 15—20 к. Для него важень, какъ онъ самъ говорилъ, не какой нибудь двугривенный или платокъ, а дорога честь лошади. Другой зайсангъ, который не пускалъ своей лошади въ скачку, сталъ отнимать платокъ у выигравшаго призъ на томъ основаніи, что лошадь его бѣжала безъ сѣдла и что слѣдовательно онъ незаконно получилъ призъ. Послѣ непродолжительной орани хозяинъ лошади, выигравшей призъ, ударилъ кудакомъ въ лицо своего противника, потомъ въ другой и третій разъ, наконецъ вѣдѣнился ему въ волосы. Мужчины почти все хладнокровно смотрѣли на эту сцену, но женщины рѣшились разнять дерущихся, и это имъ удалось чрезъ нѣсколько минутъ. Впрочемъ и сами враны, успокоившись немного, примерились другъ съ другомъ... Невѣста по прежнему продолжала сидѣть на кошмѣ, гости пили чай, а молодые ребята соби-

рались составить вторично скачку. Мы не стали болѣе дожидаться окончанія брачныхъ церемоній и возвратились въ свою квартиру, потому-что былъ уже одиннадцатый часъ, а мы съ 5-ти часовъ утра еще ничего ни-пили ни-ѣли. По приходѣ на квартиру, мы сию-же минуту разогрѣли самоваръ, который выпросили у княгини. Мы расположились пить чай подѣ однимъ деревомъ въ запущенномъ саду князя Тюмена. Едва успѣли мы выпить по стакану, какъ начали появляться калмыки, прямо сажались возлѣ насъ и разными хитрыми намеками выпрашивали чаю. Мы приняли ихъ со всеѣмъ радушіемъ русскаго человѣка и должны были поэтому три раза подогрѣвать самоваръ и подсыпать чаю; расходъ этотъ съ избыткомъ вознаграждался тѣмъ, что мы постоянно бесѣдовали съ ними о калмыцкомъ житіѣ-бытѣ и заставляли ихъ переводить русскія фразы на простонародный калмыцкій языкъ. Между этими калмыками оказался одинъ мой знакомый, съ которымъ я встрѣчался въ кибиткахъ на Астраханскомъ перевозѣ. Когда я пишу эти строки, его шапка лежитъ предо мною на столѣ. Онъ сию минуту приходилъ къ намъ въ квартиру пьяный; рассказалъ, почему онъ пьянъ. По его словамъ, онъ сейчасъ былъ у княгини, которая поднесла ему водки, говорилъ съ нею о своей сестрѣ, которую сватаетъ одинъ *ученый* калмыкъ изъ Астраханскаго калмыцкаго училища; доложилъ намъ, что у княгини есть *оронго оборг* — рогъ единорога, что этотъ рогъ имѣетъ силу излѣчать разныя болѣзни: лихорадку, горячку и пр., помогаетъ женщинамъ при родахъ, особенно-же полезенъ при излеченіи сифилитическихъ болѣзней, — стоитъ только съ благоговѣніемъ прикоснуться къ нему и соскрести съ него ножемъ нѣсколько стружекъ и принять ихъ внутрь съ водою. Зарапортовавшись, онъ ушелъ, забывъ взять шапку.

Вечеромъ были у помощника попечителя, который передалъ намъ, что княгиня и калмыки гости остались очень довольны нашимъ посѣщеніемъ. Между прочимъ, онъ-же изъ своихъ наблюденій передалъ намъ, какъ калмыки бьвають недовольны тѣми, которые смотрятъ на нихъ, какъ на собакъ и брезгаютъ ихъ угощеніями. Однажды, разсказывалъ помощникъ, былъ онъ по дѣламъ службы въ с. Селитрянномъ. Окружающіе его были все калмыки; онъ сталъ ѣсть вмѣстѣ съ ними ихъ кушанье. Нѣсколько человѣкъ изъ русскихъ замѣтили ему: „что ты, баринъ, ѣшь съ ними? вѣдь они нехристь, собаки!“ Одинъ изъ калмыковъ сказалъ на это: „все люди сотворены однимъ Богомъ... Самъ сынъ Царя (покойный Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ) ѣлъ изъ нашихъ чашекъ наше кушанье, пилъ калмыцкій чай и ар-

шнянъ. Онъ, вѣрно, по-умнѣе васъ невѣжъ.“ Вообще, по словамъ помощника, русскіе сельскіе мужики-невѣжи много вредятъ обличенію калмыковъ съ русскими своимъ раскольническимъ взглядомъ на нихъ.

10-го іюля. Нынѣ въ полдень я ходилъ версты за двѣ отъ дома князя Тюмени осматривать *бумбу*, гдѣ былъ сожженъ трупъ Сербе-Джаба, дѣда нынѣшняго князя Церенъ-Надмита. *Бумба*—это не иное что, какъ могильный памятникъ, обнесенный частоколомъ. Онъ сдѣланъ изъ кирпича, четырехъ-угольной формы; къ верху округляется; самую вершину его составляетъ обыкновенный калмыцкій большой котелъ—*хайсунъ*, положенный вверхъ дномъ. На оградѣ укрѣплены четыре молитвенныя машины, называемыя калмыками *кюрду*. Къ нимъ придѣланы деревянныя крылья, имѣющія форму хлебальной ложки. При вѣтрѣ эти крылья вертятся на оси горизонтально, а вмѣстѣ съ ними вертятся и *кюрду*. Памятникъ уже довольно обветшалъ и значительно попорченъ, такъ что во-время моего осмотра ни одна *кюрду* не вертѣлась, а вертѣлись только одни крылья, прикрѣпленныя къ частоколамъ. Подъ этимъ памятникомъ хранится *цаца*—небольшая фигурка, имѣющая форму сахарной головы и слѣпленная изъ тѣста и изъ пережонныхъ костей Сербе-Джаба. Эта фигурка составляетъ предметъ религіознаго почитанія. Возвратившись на квартиру и не заставши дома г. С—ва, я отъ скуки сталъ прогуливаться по берегу Волги и потомъ, уставши, зашелъ отдохнуть въ первую, попавшуюся на пути кибитку. Оказалось, что эта кибитка принадлежитъ опекуну улуса зайсангу М—ву. Онъ сидѣлъ въ тѣни за кибиткой въ одной сорочкѣ и пилъ калмыцкій чай. Увидѣвъ меня, онъ послалъ своего маленькаго сына въ кибитку за бешметомъ. Я попросилъ его не церемониться со мною, но онъ отвѣчалъ, что сидѣть при гостѣ въ одной сорочкѣ *муу*—не хорошо, неприлично. Окончивъ калмыцкій чай, зайсангъ приказалъ поставить русскій самоваръ, который вскорѣ и былъ готовъ. Подъ тѣнь за кибитку намъ вынесли столъ и погребецъ съ чайнымъ приборомъ. Жена М—ва наливала чай, а мы съ нимъ, сидя на стульяхъ, пошивали его. Чай былъ очень хорошъ и приготовленъ очень опрятно. Видно, что этотъ калмыкъ изъ бывалыхъ. За чаемъ мы бесѣдовали о разныхъ предметахъ, преимущественно-же о князьяхъ Тюменевыхъ, о простомъ калмыцкомъ народѣ, его бытѣ, правахъ и пр. Зайсангъ М—въ объяснялъ мнѣ разные народные обычаи, приводилъ калмыцкія названія разныхъ предметовъ, насъ окружавшихъ, и въ тоже время дѣлалъ распоряженія по хозяйству. Онъ былъ знакомъ, по его словамъ, съ княземъ Енга-

лычевымъ, съ г. А. Поповымъ, составителемъ калмыцкой грамматики и съ г. В. Голстунскимъ, составителемъ русско-калмыцкаго словаря. Я пробесѣдовалъ съ г. М—вымъ около двухъ часовъ и не считаю время, проведенное съ нимъ, потеряннымъ для себя! Отъ него я зашелъ въ кибитку княгини и попросилъ у ней позволенія посмотреть на рогъ единорога. Она позволила. Дѣйствительно, вещь замѣчательная. Длины въ рогѣ 12 съ половиной четвертей. Приобрѣтенъ онъ покупкою за-границей во-время войны русскихъ съ французами 1812—14 г. Сербе-Джабомъ, который принималъ участіе въ этой войнѣ съ подвластными ему калмыками. Въ четырехъ мѣстахъ рогъ единорога спаянъ серебряными гайками. Во-время одной перекачки верблюды, везшіе его, спотынулись и упали и тяжестью своего тѣла разломилъ этотъ рогъ на нѣсколько частей... Въ тотъ-же вечеръ я слышалъ отъ калмыковъ, что когда они перекочуютъ на другое мѣсто, то прежде всего втыкаютъ въ землю этотъ рогъ, отчего злые духи, по ихъ вѣрованію, покидаютъ эту мѣстность...

Вечеромъ на закатѣ солнца помощникъ попечителя, я и г. С—въ осматривали знаменитый Тюменевскій *сюмэ* (храмъ—капище.) Этихъ *сюмэ* въ оградѣ собственно три. Одинъ—высокій каменный, построенный въ китайскомъ вкусѣ, который видѣнъ съ Волги,—другой тоже каменный стоитъ позади перваго и гораздо ниже его, отчего и невидѣнъ съ Волги; третій старый деревянный, перенесенный сюда съ праваго берега Волги, въ которомъ совершалось идолослуженіе до построения перваго. Мы были только въ первыхъ двухъ. При входѣ во второй *сюмэ* мы увидѣли стараго *гэлюна* благочиннаго, называемаго по калмыцки *ширетуй*. Онъ сидѣлъ на тюфякѣ, поджавши подъ себя ноги, читалъ шепотомъ по-тибетски молитвы и дергалъ за веревочку *кюрду*; около него вертѣлась конка. Минуты чрезъ двѣ въ *сюмэ* прибѣжало нѣсколько бритыхъ мальчиковъ, учениковъ или *манчжиковъ*. Инымъ изъ нихъ было не болѣе 7-ми лѣтъ. *Ширетуй*, разговаривая съ посѣтителями, не переставалъ заглядывать въ тибетскій молитвенникъ и вертѣть *кюрду*. Увидѣвъ, что мы обратили вниманіе на молитвенный колокольчикъ—*хонхо*, *ширетуй* взялъ его, съ любезностію позвонилъ немного, потомъ съ благоговѣніемъ приложилъ къ своему лбу и поставилъ на свое мѣсто. *Ширетуй* уже 30-ть слишкомъ лѣтъ состоитъ въ санѣ *гэлюна* и пользуется между духовными и простыми калмыками такимъ уваженіемъ, что они снисходительно смотрятъ на то, что онъ въ самый *сюмэ* перенесъ свою постель, на которой постоянно и почиваетъ. Посвятивъ нѣсколько минутъ на

осмотръ этого *сюмэ*, мы въ сопровожденіи *ширстуя* отправились въ большой *сюмэ*, который видѣнь съ Волги. Здѣсь меня поразила чрезвычайная чистота, опрятность и порядокъ. Я былъ въ *сюмэ* на Калмыцкомъ базарѣ, но тамъ *гэлюны* ведутъ себя точно дома, какъ будто совершенно забываютъ что они находятся въ священномъ для нихъ мѣстѣ: они плюютъ и сморкаются прямо на полъ, входятъ туда въ грязной обуви и, кажется, никогда не моютъ нога. Здѣсь-же въ Тюменевкѣ, напротивъ, крапленый полъ *сюмэ* былъ такъ чистъ, что какъ будто-бы его сейчасъ только вымыли. Вдоль и поперекъ капища были посланы бѣлые, чистые узкіе холсты, по которымъ и ходятъ посѣтители и ламайское духовенство. Всѣ стѣны капища увѣшаны картинами религіознаго содержанія. Среди капища для украшенія висятъ какъ-бы двѣ колонны—*чювуръ*, искусно составленныя изъ разноцвѣтныхъ широкихъ лентъ. По-бокамъ стоитъ много этажерокъ, на которыхъ въ порядкѣ разложены священныя книги—*номъ* на монгольскомъ и тибетскомъ языкахъ, завернутыя въ разноцвѣтныя шелковые ткани. Самый замѣчательный въ капищѣ предметъ—это литое будто-бы изъ чистаго золота изображеніе *ламы-гэгэна* или *бурханъ-бакши*, т. е. основателя буддѣйской религіи *Шакья-Муни*. Оно стоитъ въ глубинѣ капища,—на мѣстѣ, похожемъ на наши алтари... Вообще это капище такъ великолѣпно устроено, такъ въ немъ все проникнуто религіозною идеею, что первыя минуты при посѣщеніи его въ душѣ невольно является только одно чувство—чувство религіознаго благоговѣнія. Только уже послѣ, когда осмотришься по-лучше, да взглядишься въ содержаніе религіозныхъ картинъ, является иное чувство—чувство сожалѣнія къ калмыкамъ—этимъ добрымъ и простодушнымъ инородцамъ, тратящимъ по-пусту столько денегъ и религіознаго чувства на бездушныхъ идоловъ... Ужели еще долго не настанетъ то время, когда *гэлюны* замѣнятся христіанскими іереями, *сюмэ*—христіанскими храмами, *хурулы*—христіанскими монастырями, *бурханы*—идолы—христіанскими иконами??

(Продолженіе будетъ.)

Разныя извѣстія.

Въ „Московскія Вѣдомости“ пишутъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось недавно, между-прочимъ, представленіе о *предоставленіи*

вдовамъ священно-и-церковно-служителей правъ: первымъ — личнаго дворянства, а вторымъ личнаго почетнаго гражданства.

Газета „Современность“, со словъ „Нов. Времени“, передаетъ, что въ настоящее время возбужденъ вопросъ о необходимости устройства при церковныхъ попечительствахъ приютовъ для сиротъ умершихъ недостаточныхъ прихожанъ впредь до помѣщенія ихъ въ казенныя заведенія. Приюты эти должны существовать на средства попечительства и помѣщаться въ церковныхъ зданіяхъ. Кромѣ того въ каждой церкви будутъ находиться кружки для сбора добровольныхъ пожертвованій на этотъ предметъ. Въ приюты будутъ принимаемы дѣти до 14-ти лѣтъ, при-чемъ для нуждающихся въ особомъ уходѣ и присмотрѣ будетъ назначаема особая прислуга. Приюты подчиняются непосредственному вѣдѣнію попечительства, которыя, въ свою очередь, обяжутся ежемѣсячно доносить епархіальному начальству объ ихъ состояніи, числѣ прибывшихъ и выбывшихъ сиротъ и матеріальныхъ средствахъ. Изъ донесеній этихъ будутъ составляемы отчеты, которые и будутъ публикуемы въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Московской Синодальной книжной лавкѣ поступила въ продажу вновь отпечатанная 3-мъ изданіемъ книга: Творенія иже во-святыхъ отца нашего Тихона Задонскаго, въ 8-ю д. листа, въ 5-ти частяхъ, гражд. печати. Изданіе это, заключающее въ себѣ полное собраніе твореній Св. Тихона, значительно дополнено противъ прежнихъ и свѣрено съ подлинными рукописями. Къ изданію приложены два изображенія Святителя и снимокъ съ собственноручнаго его письма. Цѣна за экземпляръ (въ 5-ти частяхъ) въ переп. кож. 7 р. 90 к., вѣс. 10 фунт.; корешк. 6 р. 95 к., вѣс. 10 ф., и въ печат. обол. 6 р. 25 к. вѣс. 8 фунт.

Редакторъ, ректоръ Семинаріи, архимандритъ Александръ.

Дозволено цензурою. Астрахань, 17 Октября 1875 г.

Губернская Типографія.